

Б. ПОЛЕВОЙ*

Покушение**

Машина въехала прямо в раскрытые ворота. Митинг ещё не начинался, но по гулу, доносившемуся во двор, было ясно, что огромное помещение битком набито людьми.

Встречавших не было видно, но это нисколько не смущало Владимира Ильича. Среди рабочих он был свой человек, и именно как свой человек он, приветливо улыбаясь, быстро направился в цех, скрылся за дверью, и сразу же всё это большое, приземистое, закопчённое здание будто бы ожило, содрогнулось от аплодисментов и приветственных криков, а потом разом стихло. Замерло.

Сквозь открытые потолочные фрамуги стали доноситься отзвуки ленинского голоса.

Шофёр развернул машину, поставил её поближе ко входу в цех и, прислушиваясь, снова задумался: нет, удивительный этот человек, кажется, вовсе не ведает страха. И сегодня он обычен. Вот и сейчас голос его, доносящийся из цеха, звучит, как всегда, уверенно и спокойно.

Эти мысли прервал вопрос.

— Что это, кажется, товарищ Ленин приехал? — спрашивала молодая, худощавая, бледная женщина, одетая в короткую жакетку...

У Степана Гиля, давно уже возившего Ленина, было правило никогда не говорить, кого он привёз, откуда и куда поедут дальше.

Глядя на женщину, он как можно равнодушнее ответил:

— А я почём знаю. Какой-то оратор... Мало ли их возить приходится, всех не узнаешь... — И, ответив так, заметил, что женщина нервно покривила рот и направилась в цех, где шёл митинг.

А митинг между тем был в разгаре. Со своей обычной спокойной логикой, всегда увлекавшей и покорявшей слушателей, Владимир Ильич говорил на тему о двух диктатурах — диктатуре пролетариата и диктатуре буржуазии. Вот он закончил эту свою речь знаменитыми словами:

— У нас один выход, товарищи: победа или смерть!

* *Борис Николаевич Полевой* (наст. фамилия — Кампов; 1908–1981) — русский советский прозаик и киносценарист, журналист, военный корреспондент. Лауреат двух Сталинских премий II степени (1947 (за «Повесть о настоящем человеке»), 1949). Кавалер трёх орденов Ленина (1962, 1967, 1974).

** Отрывок из книги «Наш Ленин» (книга написана в соавторстве с Н. Жуковым).

И, не слушая аплодисментов, быстро сошёл с трибуны и сразу окунулся в толпу, будто растворился в ней, пробираясь к выходу, отвечая на вопросы, дружески беседуя с рабочими.

Толпа, двинувшаяся к дверям, как бы вынесла его во двор. Он оказался возле своей машины. Кто-то из рабочих открыл перед ним дверцу. Но две женщины ещё продолжали с ним беседу. Жаловались на питание: очень плохо с едой стало. Сами-то ничего. Стерпим. А вот детишек кормить нечем. Голодные детишки. А поедешь за хлебом, последние пожитки в обмен на хлеб повезёшь, так по дороге свои же и отберут.

Ленин слушал внимательно. Кивал головой. Кругом стояли люди, и шофёр, мучаясь нетерпением, ожидал момента, когда кончится этот разговор. Вот наконец Ленин сказал:

— Совершенно верно, есть много неправильных действий заградительных отрядов, но это всё, безусловно, устранится.

Простившись с собеседницами, Владимир Ильич сделал шаг к машине, и тут раздался выстрел. Один, другой, потом третий.

Какая-то женщина, в которой Степан Гиль тотчас же узнал ту, что расспрашивала его о том, кого он привёз, бросив на землю дымящийся револьвер, старалась скрыться в толпе. За ней побежали.

Когда шофёр опустил перед раненым, тот был в сознании. Ни стопа, ни вздоха...

— Поймали его? Задержали?.. — спросил Владимир Ильич, думая, что в него стрелял мужчина.

А со стороны цеха к Ленину бежал уже какой-то человек в матросской бескозырке. Неистово размахивая левой рукой, он, не вынимая правую из кармана, бежал прямо на раненого. Шофёр закрыл собой Ленина и поднял наган:

— Стой! Стреляю!

Человек в бескозырке круто повернул в сторону и бросился к заводским воротам. Рабочие окружили раненого, хотели поднять его на руки. Он отказался.

— Ничего, ничего. Я сам.

И действительно, с помощью многих дружеских рук Владимир Ильич поднялся на ноги, вошёл в автомобиль и, сев на заднее сиденье, откинулся на спинку, полузакрыв глаза.

Двое рабочих сели в машину, и она понеслась по направлению к Кремлю. Мостовые тех дней изобиловали ухабами, машину подбрасывало и мотало.

Владимир Ильич всё так же полулежал, откинувшись на спинку сиденья, лицо его было бледно, на висках выступали капельки пота, но зубы его были крепко стиснуты, и он не проронил не звука.

И шофёру становилось жутко: хоть бы похал, хоть бы постонал.

Так без единого стона и доехали они до Кремля. И когда наконец машина остановилась у крыльца, Владимир Ильич ещё раз поразил всех твёрдостью воли и выдержкой. Шофёр и рабочие хотели поднять его на руки и внести в дом.

— Я пойду сам, — твёрдо сказал он и попросил: — Товарищ Гиль, снимите пиджак, мне так легче будет идти...

Так, опираясь на провожатых, он, стиснув зубы, двинулся по крутой лестнице к себе домой, на третий этаж. Шёл тяжело. Дыхание было прерывистым. Порой пальцы его инстинктивно сжимали руки провожатых, бережно поддерживавших его. Но снова ни стона, ни жалобы, «ни вздоха», как вспоминает Гиль.

Дома Ленин позволил уложить себя на кровать. Устало прикрыл глаза. Но, чувствуя, как беспокоятся окружающие, видя полные тревоги и муки глаза сестры Марии, попытался улыбнуться и твёрдо, хотя и слабым голосом, произнёс:

— Успокойтесь. Ничего страшного. Кажется, немного ранен в руку...

А когда приехала жена и, встревоженная, вбежала в комнату, он, ещё не зная точно, сколь трудно его ранение, испытывая тяжёлые муки, всё же нашёл в себе силы сказать обычным голосом:

— Приехала?.. Я по лицу вижу — устала... Поди приляг.

И всё это говорил человек, который лишь чудом спасся от смерти, человек, раненный вовсе не «немного» и не в руку, раненный тяжело и опасно пулями, которые были надрезаны и отравлены.